

Александр Гарцев

Взгляд

18+

Александр Гарцев

Взгляд

«Автор»

2026

Гарцев А.

Взгляд / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новый роман писателя Александра Гарцева "Взгляд" почти философское повествование о жизни волков. Они живут по закону, который человек давно забыл. Они помнят всё — каждую потерю, каждую тропу, каждое лицо. Они любят один раз и навсегда. Они не едят падаль. Они не предают. Они кормят стариков. Они смотрят в глаза — до конца. Стая Сизого — старого вожака с сединой на загривке — живёт на своей земле двенадцать поколений. Здесь лежат кости их предков. Здесь родились их щенки. Здесь их дом. Но человек пришёл на эту землю. Человек с ружьём. Человек с капканом. Это война за право жить. Война, в которой волк должен остаться волком — даже когда человек ведёт себя как зверь. Это роман о тех, кто живёт по законам чести, верности и памяти. О тех, кто умеет любить, терять и прощать. О тех, кто смотрит в глаза — даже когда это стоит жизни. «Взгляд» — это история, в которой волки оказываются человечнее людей. И это — приговор. И это — надежда. И это — память. Навсегда

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах железа	5
Глава 2. Тень на снегу	8
Глава 3. Закон стаи	11
Глава 4. Человек с ружьём	13
Глава 5. Потеря	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Гарцев

Взгляд

Глава 1. Запах железа

Мир начался с запаха.

Сизый не помнил, когда впервые осознал это. Может быть, ещё щенком, когда слепые глаза ещё не открылись, а нос уже знал: вот — молоко матери, тёплое и сытное; вот — мох, сырой и мягкий; вот — отец, огромный и пахнущий снегом и добычей. Мир был соткан из запахов, и каждый из них имел имя, цвет, вкус. Запах был памятью. Запах был речью. Запах был жизнью.

Сейчас, поздней осенью, лес пах смертью — но не той, что пугает, а той, что кормит. Листья гнили под копытами, трава полегла, земля дышала холодом и прелью. Это был честный запах. Волчий.

Сизый стоял на краю ельника, вдавив лапы в мягкую, влажную подстилку, и втягивал воздух. Он чувствовал всё: сырость земли, горьковатый дым далёкого костра — люди жгли листья в деревне, — острый след лисы, пробежавшей здесь до рассвета, сладковатый дух падали где-то далеко на западе, за болотом. Но главное — олени. Стадо. Пять, может, шесть голов. Самка, две молодые, самец с ветвистыми рогами, и ещё кто-то, слабый, больной, отстающий. Именно он был нужен.

Стая ждала за спиной. Сизый чувствовал их дыхание, их нетерпение, их голод. Восемь волков. Восемь теней, растворённых в сером сумраке осеннего леса. Вьюга — слева, чуть позади, её белая грудь почти неразличима в тумане. Ветер — справа, молодой, нетерпеливый, его хвост дёргается, выдавая азарт. Кутум — в самом тылу, старый, хромой, он уже не участвует в охоте, но он здесь, он смотрит, он помнит, как это делается. И ещё пятеро — молодые, сильные, готовые.

Сизый не отдавал приказов. Волки не отдают приказов. Они решают вместе, но вожак — это тот, чьё решение становится общим. Сизый просто пошёл вперёд, и стая пошла за ним. Молча. Бесшумно. Восемь смертей, скользящих между стволами.

Олени паслись на поляне, окружённой старым осинником. Ветер дул от них к волкам — идеально. Сизый знал эту поляну. Здесь его отец учил его охоте. Здесь он сам учил Ветра. Здесь всё было предсказуемо: олени войдут в осинник, начнут щипать кору, потеряют бдительность. Тогда — бросок. Короткий. Точный. Смерть.

Сизый опустил голову. Вьюга сделала шаг влево — она пойдёт первой, отвернёт стадо. Ветер сделал шаг вправо — он ударит с фланга. Молодые замерли, ожидая. Всё было правильно. Всё было как всегда. Мир пах оленем, кровью, жизнью.

И тогда Сизый почувствовал это.

Запах пришёл с востока. Слабый, почти неуловимый — его принесло порывом ветра, случайным, коротким. Но Сизый его узнал. Он узнал бы его среди тысячи других. Железо. Ржавое, холодное, чужое. Порох. Масло. И под всем этим — человек. Не тот, что жёг листья в деревне. Не тот, что пахнет потом и молоком. Другой. Тот, что пахнет смертью.

Сизый замер.

Стая замерла тоже. Они почувствовали перемену в нём — не запах, нет. Они почувствовали, как напряглась его спина, как поднялась шерсть на загривке, как застыл хвост. Вожак остановился. Значит, что-то не так.

Ветер сделал шаг вперёд, вопросительно. Он не чувствовал запаха. Он был слишком молод. Он не помнил.

Сизый повернул голову. Медленно. Он посмотрел на сына. В этом взгляде было всё: нет. Стой. Жди. Ветер не понял, но подчинился. Он был молод, но он был сыном вожака.

Сизый снова втянул воздух. Запах исчез. Ветер переменился, унёс его на запад. Но Сизый знал: он был. И он вернётся. Этот запах всегда возвращается.

Олени всё ещё паслись на поляне. Стадо ждало. Стая ждала. Голод ждал. Но Сизый не мог. Не сейчас. Он помнил.

Он помнил ту ночь, два года назад. Ласка, его первая партнёрша, лежала на снегу. Её глаза были открыты. Она смотрела на него. Она не выла, не скулила. Она просто смотрела. А потом её глаза погасли. И запах — тот же самый запах, железо и порох, — висел в воздухе, густой, тошнотворный, вечный.

Сизый не мог рисковать. Не сейчас. Не с этой стаей. Не с Ветром.

Он повернулся и пошёл назад, в глубь леса. Прочь от поляны. Прочь от оленей. Прочь от запаха. Стая пошла за ним. Молча. Без вопроса. Они не понимали, но они доверяли. Даже Ветер. Даже он.

Они шли долго. Через бурелом, через болото, через старый вырубку, заросшие молодым березняком. Сизый вёл их тайными тропами, которые знал только он и Кутум. Он не останавливался. Он не оглядывался. Он просто шёл, и запах железа медленно таял за спиной, растворялся в сырости, в холоде, в тишине.

Логово встретило их темнотой и теплом. Это была старая нора в овраге, под корнями вывернутой сосны. Когда-то здесь жила семья барсуков. Потом — лиса. Потом — волки. Много поколений волков. Сизый помнил запах каждого из них. Он помнил запах своей матери, Снеги. Он помнил запах отца — тогда ещё сильного, молодого. Он помнил запах Ласки. Он помнил запах щенков, которых они потеряли.

Логово было памятью. Логово было домом.

Стая легла. Молодые сбились в кучу, деля тепло. Вьюга легла рядом с Сизым, прижалась боком, лизнула его в шею. Он не ответил. Он смотрел в темноту. Кутум лежал у входа, старый, хромой, но всё ещё сторож. Он тоже не спал. Он тоже смотрел в темноту.

— Он вернулся, — сказал Кутум. Не словами, конечно. Волки не говорят словами. Но Сизый понял. Взгляд. Дыхание. Запах. Всё это было речью.

Сизый не ответил. Он просто смотрел. В темноту. В ночь. В лес, который пах железом.

Ночь была долгой. Стая спала. Даже Кутум в конце концов закрыл глаза. Только Сизый не спал. Он лежал, положив голову на лапы, и смотрел в чёрный провал входа. Он ждал. Он знал: запах вернётся. Человек вернётся. Вопрос был только в том — когда.

Он думал о Ласке. О её глазах. О том, как она смотрела на него, пока душа не покинула её тело. Он думал о щенках, которых они потеряли. Он думал о Ветре — молодом, глупом, смелом. Он думал о Вьюге, которая спала рядом, тёплая и живая. Он думал о Кутуме, который умрёт этой зимой. Он думал о стае. О территории. О законе.

Он думал о человеке, который пахнет железом. О его глазах. Он не знал, как выглядит этот человек. Но он знал: когда они встретятся, человек будет смотреть. И он будет смотреть в ответ. Так было всегда. Так будет.

Темнота за входом начала сереть. Близился рассвет. Сизый закрыл глаза. Не спать. Просто передохнуть. Он знал: завтра будет день. Завтра будет охота. Завтра будет жизнь. Но сегодня, сейчас, в этой ночи, в этой тишине, он был просто волком. Старым волком. Усталым волком. Волком, который помнит.

И где-то далеко, за лесом, за болотом, за деревней, в избе с закопчёнными окнами, человек по имени Гурий Пахомов чистил ружьё. Он тоже не спал. Он тоже смотрел в темноту. Он тоже ждал.

Они ещё не знали друг друга. Но запах уже связал их. Железо и шерсть. Порох и кровь. Взгляд и взгляд.

Война началась не сегодня. Но сегодня она стала неизбежной.

Глава 2. Тень на снегу

Снег пришёл ночью.

Сизый почувствовал его раньше, чем увидел. Запах изменился — стал чище, острее, в нём появилась та особенная пустота, которая бывает только перед первым снегом. Лес затих. Даже ветер стих. Всё ждало.

Он вышел из логова на рассвете и увидел: мир стал другим. Белым. Чистым. Мёртвым. Снег лежал на земле тонким слоем, ещё не скрывая ни травы, ни листьев, но уже достаточно, чтобы помнить: зима пришла. Настоящая зима. Голодная. Долгая.

Стая выходила по одному. Молодые — первыми, они всегда первыми, нетерпеливые, глупые. Они нюхали снег, фыркали, пробовали на вкус. Ветер выбрался из норы стремительно, как всегда, и сразу же закружился на месте, взбивая снег лапами, радуясь, как щенок. Он был молод. Он не понимал, что снег — это не игра. Снег — это смерть для слабых.

Сизый смотрел на сына, и в его груди что-то сжималось. Тяжело. Он помнил себя таким. Помнил, как радовался первому снегу. Помнил Ласку, которая смеялась над ним — если волки умеют смеяться. Помнил, как отец смотрел на него тогда. Так же. Тяжело. С жалостью. С любовью. С страхом.

Кутум вышел последним. Старый волк двигался медленно, осторожно ступая по снегу, будто боялся провалиться. Он посмотрел на небо, на лес, на стаю. Потом посмотрел на Сизого. И Сизый понял: отец тоже помнит. Он тоже знает, что будет.

— Территорию, — сказал Сизый. Не словами. Движением. Взглядом. Он повёл головой на восток. — Проверить.

Стая поняла. Это был ритуал. Каждую зиму, с первым снегом, они обходили свои владения. Метки обновлялись, следы проверялись, границы подтверждались. Это была не просто прогулка. Это была декларация: здесь — наше. Мы — здесь.

Они шли цепочкой. Сизый — впереди. Вьюга — за ним. Молодые — следом, парами. Кутум — в тылу, он уже не мог идти быстро, но он шёл. Он всегда шёл. Пока мог.

Лес был тих. Снег скрипел под лапами. Птицы ушли. Белки попрятались. Только иногда, где-то далеко, стучал дятел — одинокий, упрямый. Сизый не обращал на него внимания. Он втягивал воздух. Проверял. Читал.

Здесь прошёл лось — старый, больной, он скоро умрёт. Здесь лиса мышковала — прыгала по снегу, ловила мышей. Здесь заяц петлял — он всегда петляет, глупый, думает, что обманет. Всё было обычно. Всё было правильно. Всё было волчьим.

До полудня.

Ветер нашёл это первым. Он ушёл вперёд, как всегда, — слишком далеко, слишком самоуверенно. Сизый хотел окликнуть его, вернуть, но не успел. Ветер остановился. Замер. Его хвост дёрнулся, уши прижались. Он смотрел вниз, на снег.

Сизый подошёл. Остальные — за ним. Они стояли полукругом, смотрели. И Сизый увидел.

След. Человеческий. Отпечаток сапога на снегу — большой, глубокий, тяжёлый. Рядом — второй. И ещё. Цепочка следов уходила на восток, к границе территории, а потом поворачивала на север. Человек шёл по их земле. Не торопясь. Уверенно. Как хозяин.

Сизый втянул воздух. Запах. Слабый, но знакомый. Железо. Масло. Порох.

Ветер посмотрел на отца. В его глазах был вопрос. И ещё что-то. Что-то, что Сизому не понравилось. Азарт. Голод. Вызов.

— Идём, — сказал Сизый. Движением. Взглядом. — Дальше.

Но Ветер не двинулся. Он смотрел на след. Он хотел идти по нему. Сизый видел это. Чувствовал. Знал.

— Нет, — сказал он. Твёрдо. Так, как говорил только с сыном. — Это — не наше.

Ветер не понял. Он был молод. Он не помнил. Он не знал, что человек с железом — это не просто человек. Это — смерть.

— Он — на нашей земле, — сказал Ветер. Не словами. Рычанием. Дрожью в теле. — Он — враг.

— Да, — сказал Сизый. — Враг. Но не сейчас.

Ветер хотел возразить. Сизый видел, как напряглись его мышцы, как оскалилась морда. Мальчишка. Глупый мальчишка. Он хотел драки. Он хотел крови. Он хотел доказать.

— Ты — не вожак, — сказал Сизый. И это было жестоко. Он знал. Но иначе было нельзя. — Ты — сын. Слушай.

Ветер вздрогнул. Отступил. Опустил голову. Но не сдался. Сизый видел: не сдался. Затаился. Ждёт.

Они пошли дальше. Сизый вёл стаю по границе, обновляя метки, проверяя тропы. Но он чувствовал: Ветер идёт позади, и его взгляд прикован к следам человека. Он думает. Он решает. Он готовит.

Ночь пришла рано. Стая вернулась в логово. Усталые. Голодные. Молодые сразу легли, сбившись в кучу. Кутум лёг у входа. Вьюга легла рядом с Сизым. Она смотрела на него. Она знала.

— Он уйдёт, — сказала она. — Ночью.

Сизый кивнул. Он знал.

Он ждал. Лежал с закрытыми глазами, слушал дыхание стаи, чувствовал, как медленно, осторожно Ветер поднимается. Как он делает шаг. Ещё шаг. Как он оглядывается — проверяет, спит ли вожак. Сизый не спал. Но он не двигался. Он ждал.

Ветер вышел из логова. Сизый услышал, как скрипнул снег под его лапами. Потом — тишина. Он ушёл.

Сизый поднялся. Тихо. Не разбудив никого. Только Вьюга открыла глаза. Посмотрела. Он кивнул ей: оставайся. Она поняла. Она всегда понимала.

Он вышел в ночь. Снег шёл снова — мелкий, сухой, колючий. Он заметал следы, но Сизый не нуждался в следах. Он знал, куда пошёл сын. К человеку. По его следу. Туда, где пахнет железом.

Он шёл быстро. Не бежал. Волки не бегут, когда охотятся. Они идут. Он шёл по кромке леса, через бурелом, через замёрзшее болото. Снег скрипел под лапами. Ветер завывал в ветвях. Где-то далеко ухнул филин. Сизый не обращал внимания. Он искал.

Он нашёл его на поляне — той самой, где они охотились вчера. Ветер стоял посреди поляны. Не двигался. Смотрел вниз.

Сизый подошёл. Медленно. Он уже чувствовал запах. Кровь. Свежая. Волчья. И ещё — железо. Порох. Человек.

Он встал рядом с сыном. Посмотрел.

Она лежала на снегу. Молодая волчица. Не из их стаи. Из соседней — той, что жила за рекой. Сизый знал её. Видел мельком. Она была красивая. Светло-серая, с белым пятном на груди. Молодая. Сильная. Она бы ещё жила. Долго.

Теперь она лежала. На снегу. Кровь застыла, чёрная в лунном свете. Шкура снята — грубо, торопливо, с мясом. Голова повернута набок. Глаза открыты. Они смотрели в небо. В пустое, чёрное, звёздное небо.

Сизый смотрел. Долго. Он не рычал. Не выл. Не скулил. Он просто смотрел. На её глаза. На её смерть. На её память.

Ветер стоял рядом. Дрожал. Не от холода. От чего-то другого. Он смотрел на мёртвую волчицу, и его молодое, глупое, самоуверенное лицо медленно менялось. Исчезал азарт. Исче-

зал вызов. Появлялось что-то другое. Что-то, что Сизый знал слишком хорошо. Страх. Горе. Понимание.

— Она не ела падаль, — сказал Сизый. Тихо. Почти неслышно. — Она не предавала. Она не была одна. У неё была стая. У неё были щенки. Теперь — нет.

Ветер не ответил. Он не мог. Он смотрел на глаза мёртвой волчицы, и в его собственных глазах стояло что-то, чего там не было раньше.

— Это — война, — сказал Сизый. — Ты хотел её. Теперь — смотри.

Он повернулся. Пошёл назад. К логову. К стае. К жизни. Ветер стоял ещё мгновение. Потом пошёл за ним. Медленно. Тихо. Уже не мальчишка. Уже не сын. Уже — волк.

Снег падал. Заметал следы. Заметал кровь. Заметал глаза. Но память — не заметишь. Память — останется. Навсегда.

Они шли молча. Отец и сын. Вожак и будущий вожак. Двое волков, которые знали теперь то, что знали всегда: человек пришёл. Человек убил. Человек ушёл. Но он вернётся.

И когда он вернётся, они будут ждать.

Глава 3. Закон стаи

Ночь была ясной и звонкой, как разбитое стекло.

Луна — полная, белая, холодная — висела над лесом, заливая снег мертвенным светом. Тени сосен лежали на земле, длинные и прямые, как копья. Воздух был сухим и колким; он впивался в ноздри, обжигал горло, заставлял шерсть подниматься дыбом. Мороз крепчал. К утру он скуёт снег до хруста, и каждый шаг будет слышен за версту. Зима вступала в свои права — не робко, как в ноябре, а уверенно, по-хозяйски. Она пришла надолго.

Логово дышало теплом. Восемь тел, сбившихся в кучу, согревали землю, и от входа тянуло сырым, живым паром. Но тишина внутри была не сонной. Она была напряжённой. Густой. Как лёд перед трещиной.

Сизый лежал в центре, вытянув передние лапы. Его глаза были открыты. Он смотрел на вход — туда, где в чёрном проёме мерцал лунный свет. Он ждал, когда все проснутся. Когда все поймут.

Ветер лежал поодаль. Он не спал с той минуты, как вернулся с поляны. Он смотрел в землю. Он молчал. Но в нём что-то изменилось — Сизый чувствовал это по запаху. Мальчишка исчез. Остался волк. Растерянный, напуганный, но волк.

Кутум проснулся первым — старики всегда просыпаются первыми, потому что сон их лёгок, как осенний лист. Он поднялся, хрустнув суставами, подошёл к Сизому. Лёг рядом. Помолчал.

— Ты расскажешь им? — спросил он. Взглядом. Дыханием. — Или я?

— Я, — ответил Сизый.

Кутум кивнул. Он не спорил. Он уже не вожак. Он — память. Но память тоже имеет голос.

Сизый поднялся. Медленно. Он обошёл логово, касаясь носом каждого — Вьюги, молодых, Ветра. Это был не приказ. Это было пробуждение. Мягкое. Властное. Он касался их, и они открывали глаза. Один за другим. И садились. И смотрели на него.

Когда все проснулись, он вернулся в центр. Сел. Поднял голову.

— Слушайте, — сказал он. Не рычанием. Не воем. Тишиной. Взглядом. — Слушайте все.

И они слушали. Восемь пар глаз. Восемь теней, застывших в лунном свете.

— Вчера мы нашли следы, — начал Сизый. — Сегодня — она. Молодая волчица. Из стаи за рекой. Шкура снята. Глаза открыты. Она мертва.

Тишина стала ещё гуще. Молодые смотрели на него, и в их глазах был страх. Не за себя. За стаю. За будущее.

— Человек пришёл на нашу землю, — продолжал Сизый. — Он убил. Он снял шкуру. Он оставил тело. Он вернётся.

Вьюга поднялась. Подошла к нему. Села рядом. Она не касалась его — просто была рядом. Так, чтобы все видели: вожак не один. Вожак — с парой. Вожак — с семьёй.

— Что делать? — спросил один из молодых. Тот, кого звали Клык — тощий, нервный, вечно голодный. — Уходить?

Сизый не ответил. Он посмотрел на Кутума.

Старый волк поднялся. Медленно, с усилием. Он вышел вперёд — хромой, седой, но всё ещё величественный. Он посмотрел на стаю. На каждого.

— Мы не можем уйти, — сказал он. Тихо. Твёрдо. — Это — наша земля. Здесь лежат наши предки. Здесь родились наши щенки. Здесь — наша память. Если мы уйдём, мы — не стая. Мы — бродяги. Мы — никто.

Он замолчал. Посмотрел на Сизого. И Сизый понял: отец говорит не только им. Он говорит ему. Напоминает. Учит. Последний раз.

— Но мы и не можем драться, — продолжал Кутум. — Не так, как он. Он — с железом. Мы — с клыками. Он — один. Мы — стая. Но железо — сильнее.

Он снова замолчал. И все поняли: старик не даёт ответа. Он даёт вопрос. Решать должен вожак.

Сизый встал. Он обошёл стаю по кругу. Медленно. Каждого коснулся взглядом. Молодые. Вьюга. Ветер. Кутум.

— Мы будем готовы, — сказал он. — Мы не уйдём. Но и не бросимся на него, как глупые щенки. Мы будем ждать. Смотреть. Слушать. И когда он придёт — мы будем знать.

Он остановился. Посмотрел на Вьюгу.

— Ты — разведка, — сказал он. — Ты ходишь тише всех. Ты чувствуешь запахи раньше всех. Ты будешь следить за границей. Каждый день. Каждую ночь. Ты найдёшь его. И ты скажешь мне.

Вьюга наклонила голову. Приняла.

Он посмотрел на Ветра.

— Ты — охрана, — сказал он. — Ты молод. Ты быстр. Ты будешь с молодыми. Вы будете ходить по кругу. Ближе. Далеко. Вы будете видеть всё. Слышать всё. Вы будете предупреждать.

Ветер поднял голову. Его глаза блеснули. Он принял. Но Сизый видел: в нём всё ещё живёт мальчишка. Мальчишка, который хочет мести. Это опасно. Но это — его путь. Он должен пройти его сам.

Сизый посмотрел на молодых — Клыка, Тень, Рыка, Серую. Четверо. Голодные. Нервные. Верные.

— Вы — с Ветром, — сказал он. — Вы — его глаза. Его уши. Вы — стена.

Они приняли. Молча.

Сизый посмотрел на Кутума.

— Старики — в логове, — сказал он. — Ты — смотришь за щенками. Ты — учишь их. Ты — помнишь. Если что-то случится — ты уведёшь их. Глубоко. Далеко. Туда, где нас не найдут.

Кутум кивнул. Он понял. Он знал: это — его последняя роль. Хранитель. Пастух. Память.

Сизый снова обошёл стаю. И остановился в центре.

— Мы — волки, — сказал он. — Мы не едим падаль. Мы не предаём. Мы не бросаем своих. Мы помним. Мы ждём. Мы — стая.

Он замолчал. И все замолчали. Даже ветер за входом стих. Даже луна, казалось, замерла.

Потом Кутум поднялся. Подошёл к Сизому. Лизнул его в морду — медленно, нежно, как лижут щенков. И лёг. Стая начала расходиться. Молодые — к выходу, на снег. Вьюга — к Сизому. Ветер — за ними, но не близко. Он всё ещё думал. Всё ещё решал.

Сизый остался один. С Вьюгой. Они легли у входа в логово. Рядом. Бок о бок. Она смотрела на него. Он смотрел на неё. Они не говорили. Им не нужно было.

Он видел её глаза — жёлтые, умные, тёплые. В них была жизнь. В них была верность. В них была любовь — если волки умеют любить. А они умеют. Сизый знал это. Он помнил Ласку. Он помнил, как её глаза гасли. Он помнил, как смотрел в них до конца.

Теперь он смотрел в глаза Вьюги. И знал: это — их последняя зима вместе. Не потому, что она уйдёт. Не потому, что он уйдёт. А потому, что так бывает. Так всегда бывает. Волки живут недолго. Волки любят один раз. Волки помнят всегда.

Он прижался к ней. Она лизнула его в шею. Они закрыли глаза. Снег падал за входом — тихо, бесконечно, равнодушно. Лес молчал. Луна смотрела. Где-то далеко, за рекой, за болотом, за деревней, человек по имени Гурий Пахомов спал. Ему снились волки. Он улыбался во сне.

А Сизый и Вьюга лежали рядом. И знали. И ждали. И помнили.

Так было. Так будет. Так — всегда.

Глава 4. Человек с ружьём

Утро пришло серое, мглистое, без солнца.

Туман стоял над деревней Крутая Гора, густой и вязкий, как молоко. Он выползал из низин, поднимался к крышам, стирал границы между небом и землёй. Дым из труб не поднимался вверх — стлался по земле, цеплялся за заборы, пах горьким, сырым берёзовым дымом. Мороз ослаб. К полудню обещалась оттепель — та самая, что превращает снег в грязь, а дороги в месиво. Лес готовился к этому: ветви отяжелели от влаги, снег на них осел, потемнел. Тишина стояла влажная, глухая, как вата в ушах.

Изба Гурия Пахомова стояла на самом краю деревни — там, где дома уже кончаются, а лес начинается. Ему так было удобно. Он не любил людей. Он любил лес. В лесу всё было честно: ты охотишься — или охотятся на тебя. С людьми всё было сложнее.

Он сидел за столом. Перед ним лежало ружьё — старое, но ухоженное, с деревянным ложем, тёмным от времени и масла. Он чистил его медленно, тщательно, привычными движениями. Шомпол ходил в стволе ритмично, со скрипом. Пахло оружейным маслом — резким, металлическим, знакомым. Этот запах был с ним всю жизнь. Отец пах так же. Отец учил его чистить ружьё прежде, чем учил стрелять. «Ружьё — оно как волк, — говорил отец, пьяно улыбаясь. — Не почистишь — сожрёт тебя. Почистишь — сожрёт другого».

Гурий не улыбнулся воспоминанию. Он вообще редко улыбался. Лицо у него было длинное, худое, с глубокими складками у рта, с серыми, холодными глазами. Борода — седая, короткая, неопрятная. Он не следил за собой. Ему было всё равно. В лесу никто не смотрит на твоё лицо. В лесу смотрят на руки. На ружьё. На глаза. На то, дрогнет ли рука, когда придётся стрелять.

Рядом, на столе, лежала карта. Не настоящая — рисованная от руки, на куске старой клеёнки. Гурий рисовал её годами. Здесь были все тропы, все болота, все овраги, все логова. Он знал этот лес лучше, чем свои пять пальцев. Он знал, где зимуют волки. Знал, где их тропы. Знал, где их логово — то самое, под корнями вывернутой сосны, в глубоком овраге. Он нашел его три года назад. Не тронул. Ждал. Он всегда ждал.

Он посмотрел на карту. Провёл пальцем по изгибу оврага. Улыбнулся — одними губами, не глазами. Впервые за много лет. Это была не тёплая улыбка. Это была улыбка охотника, который знает, что дичь — рядом. Что дичь — не уйдёт.

Он знал про эту стаю всё. Восемь волков. Вожак — крупный, серый, с сединой на загривке. Пара — волчица с белой грудью. Молодые — трое или четверо. Старик — хромой, старый. Он видел их следы. Видел их метки. Он знал, сколько они едят, куда ходят, где спят. Он изучал их. Он уважал их. Он собирался их убить.

Шкура вожака стоила дорого. Не просто шкура — седая, крупная, с густым мехом. Такие шкуры покупали богатые люди — в Москве, в Питере. Они вешали их на стены. Они хвастались: «Настоящий русский волк. Вожак. Самый умный зверь в лесу». Они не знали, что этот зверь смотрит на тебя, когда умирает. Они не знали, что он не отводит глаз.

Гурий знал. Он видел это. Один раз. Давно. Он тогда был молод, глуп, стрелял быстро. Волк упал, но не умер сразу. Лежал на снегу, смотрел на него. Гурий подошёл. Волк не рычал. Не скулил. Просто смотрел. И Гурий не смог выдержать. Он отвернулся. Добил выстрелом в затылок. Потом долго не мог спать. Потом привык. Потом перестал отворачиваться. Теперь он смотрит. Всегда. Он считает это честным. Волк смотрит на него — и он смотрит на волка. Кто-то из них умрёт. Но оба будут смотреть.

Он закончил чистить ружьё. Собрал его. Зарядил. Патроны — крупная картечь. Для волка — в самый раз. Он проверил нож — длинный, острый, с деревянной рукоятью. Он всегда брал нож. Не для добивания — для свежевания. Он снимал шкуры быстро. Умело. Без спешки.

Он надел куртку — старую, армейскую, с потёртыми локтями. Надел сапоги. Надел шапку. Посмотрел в окно. Туман. Хорошо. Туман скрывает запахи. Туман скрывает звуки. Туман — друг охотника.

Он вышел из избы. Собака — старая лайка, полуслепая, спавшая у крыльца, — подняла голову, посмотрела на него, но не встала. Она знала: когда хозяин берёт ружьё, лучше не мешать. Она снова опустила голову на лапы. Гурий не посмотрел на неё. Он пошёл в лес.

Лес встретил его тишиной. Влажной, липкой, обманчивой. Снег под сапогами проминаясь с тихим хрустом. Гурий шёл медленно, вглядываясь в белые прогалины, в бурелом, в чащу. Он читал лес, как книгу. Здесь прошёл заяц — вчера, вечером. Здесь лиса мышковала — сегодня, рано утром. Здесь олень стоял — самец, молодой, сильный. Он не тронул. Ему нужны были не олени.

Он шёл по границе заповедника, туда, где начиналась территория стаи. Он знал, что здесь. Он знал, что они ходят здесь. Он чувствовал это. Он всегда чувствовал.

Через час он нашёл следы. Свежие. Ночные. Цепочка отпечатков — крупных, глубоких. Вожак. За ним — поменьше. Волчица. Потом — совсем мелкие. Молодые. Они ходили по кругу. Проверяли границу. Обновляли метки. Он видел метки — жёлтые пятна на снегу, на стволах, на камнях. Запах. Он чувствовал его даже носом — резкий, звериный, дикий. Он улыбнулся снова. Теперь — по-настоящему. Глаза блеснули. Азарт. Тот самый азарт, который он не чувствовал уже давно. Тот самый, ради которого он жил. Не ради денег. Ради этого. Ради охоты. Ради того момента, когда ты — и зверь. Один на один. Кто кого.

Он пошёл по следу. Осторожно. Беззвучно. Он знал: они могут быть рядом. Они всегда рядом. Они чувствуют его — он знал это тоже. Вопрос лишь в том, кто первым увидит. Кто первым сделает шаг. Он не боялся. Он никогда не боялся. Он уважал их. Но не боялся.

След вёл его через бурелом, через замёрзшее болото, через молодой березняк. Он шёл долго. Туман не рассеивался. Он стал ещё гуще. Мир сузился до нескольких метров — белых, мокрых, безмолвных. Гурий не останавливался. Он знал, куда идёт. Он знал, где они будут. Он уже видел это — в своей голове. Как он подходит к логову. Как вожак выходит навстречу. Как они смотрят друг на друга. Как он стреляет. Как волк падает. Как смотрит. Как умирает. Он видел это много раз. Но никогда — с этой стаей. С этим вожаком. Это будет хорошая охота.

Он остановился на краю оврага. Глубокого, заросшего ельником. Внизу, в темноте, угадывалось что-то — нора, логово, дом. Он не пошёл вниз. Не сейчас. Он просто стоял и смотрел. И чувствовал: они там. Они чувствуют его. Они ждут. Так же, как он. Он улыбнулся. Поправил ружьё на плече. Повернулся. Пошёл назад.

Он придёт снова. Завтра. Или через неделю. Или через месяц. Но он придёт. И тогда — конец. Для них. Или для него. Но кто-то из них не уйдёт из этого леса. Он знал это. Он принимал это. Он хотел этого.

Он шёл назад, и туман расступался перед ним. Где-то далеко, за лесом, за болотом, за деревней, в глубоком овраге, под корнями вывернутой сосны, волк по имени Сизый поднял голову. Он почувствовал. Человек. Близко. Он не зарычал. Не завыл. Он просто смотрел в темноту. И ждал.

Война приближалась. Медленно. Неотвратно. Как зима. Как смерть. Как всё, что нельзя остановить.

Глава 5. Потеря

Оттепель пришла ночью и всё испортила.

Снег, ещё вчера сухой и звонкий, превратился в тяжёлую, мокрую кашу. Он липнул к лапам, набухал водой, проваливался под весом. Воздух стал плотным, тёплым, чужим. Туман не рассеялся с рассветом — он только погустел, осел на ветвях, повис на каждой иголке, на каждой травинке. Мир сузился до нескольких шагов. Запахи не двигались — они стояли на месте, густые, спутанные, обманчивые. Лес молчал. Даже вороны молчали. Только капли — крупные, тяжёлые — падали с ветвей, и их стук был единственным звуком в этой белой, вязкой, слепой тишине.

Сизый не любил такую погоду. В оттепель волк слеп. Нос говорит одно, глаза — другое, уши — третье. Никому нельзя верить. Даже себе.

Но стая была голодна. Три дня без добычи. Молодые слабели. Кутум почти не вставал. Щенки — те, что родились весной, — скулили во сне от голода. Нужно было идти. Нужно было охотиться. Даже в слепую погоду. Даже в оттепель.

Он повёл их на восток — туда, где за болотом начинались старые вырубki. Там зимой держались олени. Там была еда. Он знал эту тропу. Он ходил по ней сотни раз. Каждый камень, каждый корень, каждая яма были ему знакомы. Он мог бы пройти её с закрытыми глазами.

Он не знал, что человек уже прошёл по ней. Не знал, что человек ставил здесь капканы — большие, стальные, с зубьями, которые смыкаются намертво. Не знал, что человек ждал именно здесь. Именно сегодня.

Вьюга шла первой.

Она всегда шла первой в разведке — тихая, чуткая, осторожная. Сизый доверял ей больше, чем себе. Она чувствовала опасность раньше всех. Она слышала то, чего не слышал никто. Она видела то, что скрыто от других.

Сегодня она не увидела. Туман съел всё. Запах капкана — масляный, металлический — растворился в сырости, смешался с запахом мокрой земли, гниющей листвы, талого снега. Он был везде и нигде. Он не имел направления. Он не имел формы.

Вьюга сделала шаг. Ещё шаг. Ещё.

Капкан сработал мгновенно. Стальные челюсти сомкнулись на её передней лапе — чуть выше запястья. Хрустнула кость. Вьюга закричала — не воем, а визгом, резким, страшным, режущим тишину. Она рванулась, но капкан держал. Цепь, прикованная к вбитому в землю колу, натянулась и отбросила её назад. Она упала на снег. Кровь — яркая, алая — брызнула на белое, растеклась, запахла горячо и остро.

Сизый услышал крик. Он был в двадцати шагах позади — он всегда держал дистанцию, чтобы видеть всю стаю. Он бросился вперёд, не думая, не осторожничая. Он проломился через кусты, через бурелом, через туман. И увидел.

Вьюга лежала на боку. Её лапа — та, что была в капкане, — вывернута под невозможным углом. Кровь текла ручьём, пропитывала снег, стекала в ямки, собиралась в лужицы. Она смотрела на него. Не выла. Не скулила. Просто смотрела. Жёлтые глаза. Широко открытые. Живые. Пока — живые.

Сизый бросился к ней. Он лёг рядом, прижался носом к её морде. Она лизнула его — слабо, едва. Он заскулил — тонко, по-щенячьи, как не скулил с детства. Потом посмотрел на капкан. Сталь. Зубья. Кровь. Он знал, что это. Он видел такое. Давно. Ласка. Тогда тоже был капкан. Тогда он не успел. Тогда он был молод, глуп, слаб. Тогда он бежал. Теперь — не побежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.